

верситете, вопрос этот также уже не интересен, — это даже уже не вопрос для разработки и уяснения, а установленная и вполне очевидная истина. Монизм подлежит теперь утверждению в более высокой сфере, в духе, в моральном сознании. Прийдя к такому убеждению, Шеллинг в известном смысле возвратился к кантовской проблематике, вполне сознавая при этом опасность дуализма и разрушения целостности своего воззрения. Ибо систему дуализма как учения о двух абсолютно различных и независимых друг от друга началах он считает «системой разорванности и отчаяния разума».

При защите докторской диссертации по «Критике отвлеченных начал» (1880) Соловьев мимоходом определил свое отношение к философии Шеллинга и в ответ одному из оппонентов на замечание о приверженности к шеллингианству согласился, что его воззрение находится в «сродстве» с учением Шеллинга, но не с ранним, а с поздним, с теософическими построениями «второй» его системы, с так называемой положительной философией. Уточнение вытекало из самого содержания его диссертаций, и магистерской, «Кризис западной философии (Против позитивистов)», защищенной еще в 1874 г., и докторской. Систему философии раннего Шеллинга он изображал как момент — лишь момент — развития западной философии, как закономерный переход от Фихте к Гегелю.

Чтобы вернее уловить и зафиксировать колеблющуюся грань, на которой сосредоточено внимание Соловьева к философии Шеллинга и в которой эта философия непреднамеренно и неведомо для себя сближается с русским направлением философствования, следует припомнить соображения И.В.Киреевского о переломном моменте развития, достигнутом, но так и не превзойденном шеллингианской мыслью. Именно.

Углубившись более, чем кто-либо прежде, в самые законы логического мышления, Гегель довел их до последней полноты и ясности результатов, дал возможность

позднему Шеллингу доказать односторонность всего логического мышления, вследствие чего немецкая философия достигла тогда в лице Шеллинга пункта, от которого, как рассудил Иван Киреевский, «ни далее идти по своему отвлеченно-рациональному пути она уже не может, ибо сознала односторонность отвлеченной рациональности, ни проложить себе новую дорогу не в состоянии, ибо вся сила ее заключалась в развитии именно этой, отвлеченной рациональности» (13, с. 290).

Отвлеченный разум силою собственного развития «дошел до сознания своей ограниченной односторонности», — говорит Киреевский. Этот последний результат европейской образованности «принадлежит новейшей и, вероятно, уже окончательной эпохе отвлеченно-философского мышления» (13, с. 269; 270-271). Отсюда неудовлетворенность многих «неопределенностью» поздней философии Шеллинга, «двойственностью» его отношения к его же собственному предшествующему рационализму (на эту посылку он опирается и вместе с тем попирает ее); отсюда же подверженность его «позитивной философии» критике с самых различных сторон.

Соловьев отстраняется от родства с ранним Шеллингом не потому, что тот стремился создать всеобъемлющую систему единства, что характерно и для его негативной философии, и для самого Соловьева, который, впрочем, сошелся с нею в утверждении всеединства, следуя, однако, своим путем. Он отстранялся от раннего, натурфилософского учения немецкого мыслителя потому, что учение о природе для него очень скоро оказалось пройденным им самим периодом развития. Натурфилософия представлялась ему, видимо, уже устаревшей, да и к естествознанию, на котором оно основывалось, как и к современной его форме и чрезмерному увлечению им, философ, ознакомившийся в университетские годы с биологическими науками, относился критически.

Позитивная же философия оказалась близка ему своею критической направленностью против гегелевского логизирования действительности, а с положительной стороны — теософической устремленностью к истинно сущему, к нравственно-духовным предметам и ценностям, к Богу, а не к рационально-логическим схемам. Его симпатии к «второй философии» Шеллинга уточнены и выправлены в рукописи, посвященной «Философским исследованиям человеческой свободы»¹. Эту последнюю из крупных статей немецкого философа, напечатанных при его жизни, Соловьев оценивает очень высоко, относя все последующее, т.е. позитивную философию, лишь к флексиям идей названной статьи, не представляющим по сравнению с нею ничего принципиально нового. «В ней система Шеллинга достигает окончательного развития, и в ней она вся изложена в короткой и ясной форме. Все, что он писал после того (появившееся в печати после его смерти), является или пояснением идей, развитых в этой статье, или более детальной разработкой их и по достоинству стоит ниже ее, что сознавал, вероятно, и сам Шеллинг, не решившийся ничего напечатать» (4, с. 271).

Развернутое в указанное уже статье о человеческой свободе содержание выражает именно сущность позднейшего учения Шеллинга, тогда как философия мифологии и философия откровения — это лишь обозначение составных частей его позитивной философии.

Удивительно ли, что философия мифологии и философия откровения, оцененные Соловьевым по их достоинству «ниже», никак не отразились на его учении, в котором была своя, ничего общего с Шеллинговой не имеющая, «философия мифологии и откровения». Первая была представлена в самом начале творческого пути Соловьева, в его большой статье «Мифологический процесс в древнем язычестве» (1873), вторая (соответствующая Шеллинговой философии откровения — не по наименованию, а по предметному содержанию) в «Чтениях

о Богочеловечестве» (1878–1881) и в «Духовных основах жизни» (1882–1884), причем расхождения с немецким философом выступали весьма характерные: Соловьев ориентировался на христианское богословие и особенно на православие, тогда как Шеллинг неизменно оставался антицерковным протестантом.

Строго говоря, Соловьев не является последователем ни раннего Шеллинга, ни позднего. Он не поклонник ни устаревшей в его время натурфилософии Шеллинга, ни слабостей его позитивной философии. Но существует еще деление этапов Шеллинговой мысли, согласно которому различают как особый этап «среднего Шеллинга», где доминирует учение о тождестве в Абсолюте. Соловьев признает, что все сколько-нибудь последовательные системы умозрительной философии имели понятие Абсолюта своим первым принципом и началом. Он принимает понятие Абсолюта, но совсем не в том смысле, в каком оно наличествует в системах от Парменида до Шеллинга.

Эти системы по большей части смешивали понятие Абсолюта с бытием вообще, противопоставляя небытию, и ошибочно принимали это понятие в той же его потенциальности и неопределенности за конец философии, противопоставляя Абсолютное всякой определенной действительности, по существу отрицая ее. Шеллинг, как и Гегель, хорошо знал это различие между началом и концом в развертывании Абсолютного (как между зерном и развитым плодоносным растением), но у него Абсолютное фигурирует преимущественно в первоначальных своих определениях и нигде не доводится до завершенности, до решающего претворения в действительность, так что вся его система страдает дуализмом, раскалываясь на отделенный от действительности Абсолют и мир вне его. Упрек Гегелю в том, что его Абсолют — понятие, только потенция, а не действительность, Шеллинг мог бы адресовать и себе, ибо его Абсолют также остается внемир-

ным, только возможностью, которую он настойчиво отделяет от действительности и противопоставляет ей, не преодолевая этот дуализм, так что всеохватывающего органического единства у него не получается, а заявка на «философию всеединства» остается только претензией. В этом Соловьев усматривает коренной недостаток по сравнению со своей *органической философией*, философией цельного знания, и потому никоим образом не может безоговорочно присоединиться к «среднему» Шеллингу (1, т. 2, с. 270-271), так же как и к раннему и позднему.

Мало того, Соловьев подвергает, далее, критике учение о тождестве в Абсолюте. Он расходится в этом учении с Гегелем и Шеллингом, не упоминая, правда, последнего по имени, но ведь Шеллинг такой же представитель философии тождества, как и Гегель, и критикуемое положение о тождестве тождества и различия, или о «безразличии себя и своего противоположного», у обоих одно и то же, оба полагают в основание своих систем это утверждение как абсолютное и положительное выражение истины, в чем и заключается, по Соловьеву, ложность, поскольку на деле это есть «одностороннее и притом отрицательное выражение истины» (1, т. 2, с. 276). *Безразличие* противоположностей не есть живое единство их, это можно видеть на примере всякого разлагающегося организма, клетки которого уже не представляют внутреннего единства между собой; прежде различные и даже противоположные, теперь они индифферентны, безразличны друг к другу и к утраченному единящему целому.

При всем том Соловьев улавливает более свойственную Шеллингу, чем Гегелю, тенденцию к преодолению всепоглощающего «Абсолютного» германской философии, в котором сам человек остается ни при чем, так что Шеллингово «безусловное тождество» в большей мере, чем Гегелева «Абсолютная идея», стремится уделить место «индивидуальному» и установить более обустроенное, ра-

зумное и человеческое единство человека с Абсолютом. Признавая правоту протеста против различных абсолютов германской философии, Соловьев в статье «На пути к истинной философии» (1883) вносит важную оговорку: дело не так просто. «Одного протеста здесь мало. Абсолютные системы немецких философов несостоятельны — это правда. Но стремление к безусловному началу жизни и знания не выдуманно этими философами, а составляет коренную потребность человеческого духа» (1, т. 2, с. 335).

ГЛАВА I ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РУССКОЙ И ШЕЛЛИНГИАНСКОЙ МЫСЛИ

Если серьезность знакомства Вл. Соловьева с трудами Шеллинга не вызывает у исследователей возражений и сомнений, то плоды этого знакомства, результаты его шеллингианских штудий оцениваются далеко не однозначно: «подверженность влиянию», «зависимость», «неоригинальность мысли», «критическое восприятие идей», «расхождение», «разрыв», «равнодушие», «утверждение своего самобытного философствования»...

Невнимание Соловьева к учению Шеллинга могло бы расцениваться как неоправданное пренебрежение уже достигнутым, как попытка изобретать велосипед. Напротив, усвоение идей немецкого мыслителя и воспроизведение его схем мысли, использование его опыта и достижений в философии могло бы быть расценено как несамостоятельность, зависимость, эпигонство.

Шеллингу ставят не в упрек, а в достоинство знание своих предшественников от Платона до Канта и Фихте, знание своих истоков, охват многих разрабатывавшихся до него идей; на широте его познаний покоится его компетентность в разбираемых им проблемах и собственная глубокая проработка материала. Изучение трудов предшественников — залог основательности в собственных суждениях, это не подрывает самостоятельности, самобытности философа. Если он «находился под влиянием» той или иной системы, значит позволял ей влиять на себя, тогда как другой какой-нибудь системе он не позволял этого.

Подлинная самостоятельность и оригинальность выражается не столько в разрывах и противостояниях другим мыслителям, сколько в умении следовать им, творчески их развивая, продумывая до конца поставленные и решаемые им проблемы. Здесь отрицание должно появляться после, в результате основательного овладения. Иначе способность всему сказать «нет», всякий дух противоречия, любой каприз, строптивость могли бы с полным правом претендовать на самостоятельность и оригинальность.

Ввиду приведенных соображений, «заимствования», которые можно найти у Соловьева, как, впрочем, и у Шеллинга или кого другого, вполне оправданы. Знакомство с учением Шеллинга у нашего мыслителя есть, и очень глубокое. Правда, шеллинговскую философию куда менее, чем кантовскую или гегелевскую, выделяет он в специальный предмет рассмотрения. Но он пользуется шеллингианскими понятиями довольно широко, пускает в оборот характерные шеллингианские философемы, а — что важнее — принципы и методология его философствования во многом сходны с шеллингианскими: интеллектуальная (у Соловьева «идеальная») интуиция, метод восхождения от элементарной «клеточки» к внутренне расчлененной и сращенной целостности, склонность к парадоксам и антитезам и разрешение их в органичном единстве, развиваемом до всеединства, теософичность² построений.

И все же мышление обоих, философов одного ранга, философов высшего ранга, протекает по различным руслам, каждый движется своим путем, несмотря ни на какие влияния, независимо от них, даже вопреки им. Ибо влияния, которые все же имеют место, реализуются не иначе как через внутренние условия, через воспринимающего или отвергающего их (эти воздействия извне), т.е. через самостоятельного мыслителя; они воспринимаются в зависимости от внутренней установки, определяю-

щей: поддаться воздействию или нет; воспринять положительно или отрицательно, безусловно или критически, целиком или частично. Т.е. мыслитель далеко не во всем допускает воздействие на себя, не во всем позволяет на себя влиять, не во всем поддается воздействиям³. В этом, конечно, Соловьев и Шеллинг сходны — при всей открытости всему, отзывчивости на все, заложенной в национальном характере первого, и чувствительности ко всему, прямо-таки ренессансной восприимчивости второго.

Но вместе с тем вслед за А.Ф.Лосевым надо сказать, что преувеличивать шеллингианские заимствования Вл.Соловьева не следует. Речь не о текстовых параллелях, своду которых мы обязаны педантичному немецкому исследователю Л.Мюллеру (см.: 20, S. 93-125). Это не тот уровень, на котором Соловьева не в укор, а в честь и достоинство оценивают как шеллингианца («последний русский шеллингианец»). Совпадения были, но они вырастали у Соловьева органически и почти всегда были результатом его собственного философского творчества (см.: 14, с. 192). Это опять-таки не значит, что надо покончить с сопоставлениями, напротив, появляется требование проникнуть в более глубокие слои внутреннего сродства, духовного сродства, творческого сродства двух философов.

Как материал к размышлению о соловьевских «заимствованиях», а также об «оригинальности» мыслей Шеллинга приведу случай с Иваном Васильевичем Киреевским (записанный А.И.Кошелевым). В первое время после свадьбы он читал Шеллинга, предлагал жене читать вместе. «И когда великие, светлые мысли останавливали их и И.В.Киреевский требовал удивления от жены своей, то она сначала ему отвечала, что эти мысли ей известны из творений св. отцов. Неоднократно она ему их показывала в книгах св. отцов, что заставило И.В. иногда прочитывать целые страницы. Неприятно было ему сознавать, что действительно в св. отцах многое чем он восхищался в Шеллинге. Он не любил в этом сознаваться, но тайком брал у жены книги, и читал их с увлечением» (35, с. 285-286).

В результате выработалось более зрелое видение и новое отношение к Шеллингу. И.В.Киреевский теперь критиковал его философию, и весьма резко: «Шеллингова христианская философия явилась и не христианской, и не философией»; мифология трактуется подчас произвольно; недооцениваются умозрительные понятия отцов церкви «о разуме и о законах высшего познания»; позитивная философия не носит «характера верующего мышления», и потому не может найти «сочувствия» в России, где мысль, стремясь к целостности, предпочитает исходить из «основных начал древнерусской образованности», чтобы «подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума», каким он был у отцов православия и каким унаследован нами (см.: 13, с. 354, 355). «Учения св. отцов православной церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта» (13, с. 294).

Надо признать в конечном счете справедливым категоричное заявление А.Ф.Лосева о Вл.Соловьеве, что ни о каком прямом заимствовании у Шеллинга не может быть и речи. Тем более никакого непосредственного влияния Вл.Соловьев (1853-1900) не мог оказать на Шеллинга (1775-1854); но мог вполне повлиять на дальнейшее развитие, направление или преодоление тех или иных идей шеллингианства. А русская мысль, наследуемая и развиваемая Соловьевым, могла до появления его трудов оказывать влияние на самого Шеллинга, и действительно оказывала благодетное воздействие, о чем свидетельствуют факты (см.: 12, с. 37-38), пока еще недостаточно принимавшиеся во внимание исследователями. И могла бы воздействовать сильнее и плодотворнее, прояви Шеллинг интерес к ней пораньше. Вполне вероятно, что, универсалистская по своей основной устремленности, его философия испытывала недостаток именно